

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Балахванцева Арчила Савелича
«Политическая история ранней Парфии»,
представленную к защите на соискание ученой степени
доктора исторических наук
по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (история древнего мира)».

Парфянское государство – одно из наиболее значимых государственных образований, возникших на территории Центральной Азии в середине III в. до н.э., которое выделилось из империи Селевкидов и просуществовало до III в. н.э. Возникнув в качестве ответной «восточной реакции» на эллинизм, Парфянское царство впитало в себя разнообразные иранские / ахеменидские традиции, будучи на протяжении ряда столетий непримиримым антагонистом Запада, в частности, в лице Римской державы (см.: Бокщанин А.Г. Парфия и Рим (исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира). Ч. I–II. М., 1960, 1966), и, уступив место Иранской империи Сасанидов, оставив заметный след в истории Древнего Востока. Таким образом, обращение в данном диссертационном исследовании А.С. Балахванцева к парфянской проблематике вполне оправдано и объясняется той ролью, которую играла Древняя Парфия в истории цивилизаций древнего мира.

Исследование истории Древней Парфии не является чем-то новым в историографии и восходит своими истоками к трудам историков позапрошлого и прошлого столетия, ставших уже вполне классическими. К числу таковых, например, принадлежит фундаментальная монография Н. Дибвойза, сравнительно недавно переведенная на русский язык и потому доступная отечественному читателю (Дибвойз Н.К. Политическая история Парфии / Перевод с английского, научная редакция и библиографическое приложение В.П. Никонорова. Спб., 2008). Однако, среди многочисленных исследовательских проблем, связанных с внутренней и внешней политикой Парфии, вопрос о происхождении Парфянского государства в обобщающих монографиях по его истории обсуждался сравнительно кратко, и все еще не становился предметом специального монографического исследования (как это, собственно говоря, и заявляет сам автор диссертации на с. 4). В проведении такого рода исследования видится несомненная новизна докторской диссертации А.С. Балахванцева.

А.С. Балахванцев скрупулезно занимается данной проблематикой уже более 20 лет (его первая публикация по теме истории ранней Парфии, согласно списку публикаций, который содержится в автореферате диссертации, датируется 1998 годом!). И потому, как и следовало ожидать, несомненным достоинством данной работы является великолепное знание его автором как источников различных типов и видов (детальный обзор источников см. на с. 4–19 диссертации), так и историографии темы. Вообще же нацеленность диссертации на решение одной конкретной проблемы вкупе с рассмотрением

ряда узкоспециальных вопросов из истории ранней Парфии позволили автору диссертации привлечь как можно большее и разнообразное количество источников, составивших фундаментальную источниковую базу диссертационной работы.

Можно считать наиболее значимым то, что первые разделы диссертации А.С. Балахванцева посвящены исторической географии и этнической истории Древней Парфии (глава 1 и 2, с. 36–106). обстоятельное рассмотрение данных сюжетов позволило автору диссертации дать характеристику той территории, на которой проходила история древних парнов и которые позднее стали ядром будущего Парфянского государства. Изучение вопросов исторической географии, климата и этнической истории позволило А.С. Балахванцеву аргументированно обосновать 1 и 2 положения, выносимые им на публичную защиту.

Рассмотрение социальной структуры и общественных отношений в государстве Селевкидов, что соответствовало 3 положению, выносимому на защиту, предпринимается в 3 главе диссертации. В этом разделе представляет особый интерес, на мой взгляд, обсуждение автором диссертации вопроса об официальном наименовании государства Селевкидов и его населения. А.С. Балахванцев на основании источников убедительно доказывает, что встречающееся в историографии мнение, что господствующий класс Селевкидской империи назывался «македонянами» ошибочно (с. 109–115). Однако, автор считает, что наиболее часто относимый к Селевкидскому царству апеллятив «царство Сирии», а к населению – «сирийцы», также не отражает самоназвание государства, но использовался в пропагандистских целях греками и римлянами для создания негативного образа Селевкидской монархии. В итоге проведенного анализа А.С. Балахванцев приходит к заключению: «Таким образом, хотя современники предпочитали называть державу Селевкидов Сирийским царством, рассмотренный выше материал еще раз свидетельствует о справедливости вывода Э. Бикермана об отсутствии у государства, которое было лишь царством такого-то царя, официального названия» (с. 115). Правда, А.С. Балахванцев оставляет без рассмотрения вопрос о возможности наименования в качестве самоназвания или же как-то иначе державы Селевкидов ἡ ἀρχὴ τῶν Σελευκιδῶν, что трижды встречается у Аппиана (App. Syr. I.246; II.346; III. 368).

Вполне можно согласиться и с интерпретацией автором диссертации обстоятельств возникновения Парфянского государства, чему посвящены главы с 4 по 6 (с. 146–270), что соответствует с 4 по 7 положениям, выносимым на защиту. Причем, автор диссертации справедливо считает образование Парфянского государства не одномоментным явлением, а длительным процессом, растянувшимся по времени практически на несколько десятилетий. По мнению А.С. Балахванцева, он был начат первым вторжением парнов во главе со своим вождем Аршаком I около 238 г. до н.э., которое закончилось поражением от Селевка II Каллиника и новым признанием Аршаком своей зависимости от Селевкидов (с. 178–221). К этому времени автор диссертации

относит возникновение собственно Парфии (с. 146). Решающим этапом на пути становления Парфянского государства, по мнению А.С. Балахванцева, стало более успешное отложение парнов во главе с Аршаком I от Селевкидов при Антиохе III (с. 222–236). И несмотря на последующие военные неудачи Аршакидов в борьбе с Селевкидами, Парфянское государство состоялось, о чем свидетельствует, в частности, появление монетной чеканки и соответствующей властной титулатуры. Момент завершения образования Парфянского государства автор диссертации справедливо определяет следующим образом: «Как известно, важнейшим признаком государства является существование публичной власти, не совпадающей с большинством населения и наделенной аппаратом принуждения. После завоевания Аршак из племенного вождя превратился в правителя Парфии, а его дружина – в войско» (с. 224).

Такое развитие событий выглядит вполне научно обоснованным и достоверно представляет развитие событий. Действительно, в случае с возникновением Парфянского государства мы наблюдаем процесс сначала обретения Парфией своей независимости, а затем ее длительное утверждение в ходе идущей с переменным успехом борьбы с Селевкидами, итогом которой и стало создание Парфянского государства, что было связано с появлением публичной власти. Примечательно, что динамика возникновения Парфянского государства во многом напоминала возникновение Персидского государства Ахеменидов, которое, однако, заняло более короткий период по времени: сначала обретение независимости путем освобождения персов от мидийской зависимости, затем борьба с самими мидийцами, и, наконец, победа в этой борьбе и начало широкомасштабной экспансии при первых Ахеменидах, трансформировавшихся из племенных вождей, каким все еще оставался Кир Великий, в подлинного властителя, каковым стал Дарий I, при котором были созданы основные элементы государственной организации Персидской империи.

В целом, диссертационная работа А.С. Балахванцева производит очень благоприятное впечатление. Основанная на солидной источниковой базе и многочисленной исследовательской литературе, работа отличается новизной постановки самой проблемы, содержит некоторые важные наблюдения и наиболее значимые выводы. В тоже время хотелось бы высказать ряд замечаний, которые не снижают ценность работы, а носят дискуссионный характер.

На с. 4–5 «Введения» автор диссертации предельно кратко формулирует основной методологический принцип своего исследования. Это опора на источники: «Пренебрежение к источнику порождается нежеланием выяснять то, как «было на самом деле», и приводит к подмене установления и анализа фактов конструированием априорных схем и моделей». Упомянув о необходимости выяснять как «было на самом деле», А.С. Балахванцев ссылается на соответствующее заявление Леопольда фон Ранке (Ranke Leopold von. *Geschichten der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1514*. Leipzig,

1885. S. VII). Однако, при всем уважении к теоретическим построениям этого выдающегося немецкого историографа XIX века, на современном этапе развития исторической науки мы склонны считать эту методологию существенно упрощенной, и сознательный отказ автора диссертации от теоретизирования и построения «схем и моделей» может быть признан весьма уязвимым подходом. И тут возникает вопрос: «Почему же схемы и модели обязательно должны быть априорными, а не могут быть построены на материале источников?». Однако то, что автор следует и далее принципу «wie es eigentlich gewesen», сформулированному Ранке, показывает, во-первых, отсутствие теоретического раздела во «Введении» диссертации (не указывается даже методологическая основа, хотя эта рубрика присутствует на с. 5 автореферата диссертации); во-вторых, попытки автора диссертации в третьей главе (с. 107–145) доказать несостоятельность широко принимаемой в историографии концепции «доминирующего этно-класса» (*ethno-classe dominant*, по определению П. Бриана: Briant P. *Ethno-classe dominante et populations soumises dans l'Empire achéménide: le cas de l'Égypte // Achaemenid History III: Method and Theory / A. Kuhrt & H. Sancisi-Weerdenburg (eds.). Leiden, 1988*) применительно к империи Селевкидов; и, в-третьих, неучастие в обсуждении «общих проблем эллинизма» как на теоретическом уровне, так и применительно к истории ранней Парфии.

На с. 37 А.С. Балахванцев детально рассматривает вопрос о локализации ахеменидской сатрапии Партавы. Автор диссертации, в частности, пишет: «Согласно ахеменидским источникам – Бехистунская надпись (DB I 16, II 92–98, III 1–10), надписи Дария из Суз (DSe 21; DSm 8), надпись из Накш-и Рустама (DNa 22) – и данным Страбона (Strab. XI. 9. 1), Партава (Парфиена) была объединена в одну административную единицу с Гирканией». Однако, эти самые ахеменидские источники как раз и не обнаруживают такого объединения Парфии с Гирканией. Списки стран и народов упоминают только лишь о Партаве в числе подвластных Ахеменидам стран, не называя вовсе Гирканию (но это еще не свидетельствует в пользу единой сатрапии Парфии-Гиркании, поскольку хорошо известно, насколько царские списки были избирательны в наименовании тех или иных областей Персидской империи). Однако, одно место в Бехистунской надписи, казалось бы, даже свидетельствует об обратном: «Говорит Дарий-царь: “Парфия и Гиркания отложились от меня [и] примкнули к Фравартишу”» (DB. II. 92–93). Страбон (XI. 9. 1), правда сообщает, что при персидском владычестве парфяне платили подати вместе с гирканцами. Но вот Геродот (III. 92–93) не упоминает гирканцев в одном податном округе вместе с парфянами («Парфяне же, хорасмии, согдийцы и арии платили 300 талантов. Это — шестнадцатый округ»), и, кажется, может предполагать, что гирканцы входили в другой податный округ («Акбатаны, остальная Мидия, парикании и ортокорибантии платили 450 талантов. Это – десятый округ»), если верно предположение, что под словом «парикании» (Παρικάνιοι) в данном контексте следует читать «гиркании» (правда существует и альтернативное прочтение – паретакены: Bivar A.D.H.

A Persian fairyland // Acta Iranica. Papers in Honour of Professor Mary Boyce. Leiden, 1985. P. 30; парикании же названы далее по тексту ниже: «Парикании и азиатские эфиопы платили 400 талантов. Это – семнадцатый округ»: Hdt. III. 94). Таким образом, приведенные автором диссертации свидетельства не убеждают в том, что при Ахеменидах не существовало отдельной сатрапии Партавы – Парфии. И даже если следовать Страбону, то объединение Парфии с Гирканием могло существовать лишь в какой-то момент в более чем двухвековой истории Ахеменидской империи.

На с. 178 диссертации А.С. Балахванцев соглашается с замечанием Юстина (XLI. 4. 6) о том, что Аршак был человеком неизвестного происхождения, но испытанной доблести (*vir sicut incertae originis, ita uirtutis expertae*) и занимался разбоем и грабежом (*solitus latrociniis*) до того, как стал предводителем парфян. Автор диссертации воспринимает это заявление Юстина буквально, заявляя, что «в этой войне каждый род, желающий не только выжить, но и победить, был вынужден создавать дружину из юношей, чьей основной профессией теперь стала война. Логично предположить, что именно благодаря проявленной им доблести... Аршак оказался во главе своей родовой дружины...». Однако, на мой взгляд, здесь наиболее вероятно присутствует фольклорный иранский мотив. Вспомним рассказ Николая Дамасского (FGrHist. 90. F. 75. 3), восходящий к Ктесию Книдскому и, несомненно, отражающий фольклорную традицию, причем, враждебную официальной, что отец Кира Великого, некий Атрадат был разбойником из-за бедности, а мать Аргоста пасла коз.

На с. 225 А.С. Балахванцев полагает, что Аршак I не имел титула ΒΑΣΙΛΕΥΣ. Далее автор диссертации ссылается на монетные эмиссии этого правителя, включавшие легенду ΑΡΣΑΚΟΥ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ и на некоторых из драхм – также арамейскую легенду kṛny. ΑΥΤΟΚΡΑΤΩΡ на русский язык с древнегреческого можно было бы перевести словом «самодержец» или «повелитель», и таким образом посчитать ее аналогом именно царского титула (см. Liddle H.G., Scott R., Jones H.S. A Greek-English Lexicon. With revised Supplement. Oxford, 1996, s.v. αὐτοκράτωρ). Однако, употребление армейской легенды kṛny на монетах Аршака требует некоторых дополнительных комментариев. А.С. Балахванцев, очевидно основываясь на своем представлении о том, что Аршак изначально был племенным вождем (с. 178), интерпретирует легенду kṛny следующим образом: «Kāran является патронимическим титулом, образованным при помощи прибавления суффикса *-āna (потомок) к имени *kāra- (народ, войско), что можно понять как «отпрыск народа, войска»; «Однако если учесть, что понятие *kāra- относится еще к эпохе родового строя и охватывает всех свободных членов общества..., можно предположить, что первоначально у иранцев в целом и у парнов в частности караном человека нарекало все племя». Между тем, такая трактовка термина «каран» требует несколько наших комментариев. Во-первых, в ахеменидский период обладатель этого титула, который, как правильно замечает автор диссертации (с. 227), получал его непосредственно от царя, был носителем власти, которая

очевидно совмещала военные и административные полномочия. Об этом можно судить на примере Кира Младшего, единственного, о ком известно из сообщения Ксенофонта (Hell. I. 4. 3), что он получил от царя титул каран. В своей «Греческой истории» Ксенофонт объясняет своим читателям этот древнеперсидский термин посредством древнегреческого κύριος – «господин», «владыка», однако, в «Анабасисе» (I. 1. 1, 9. 7) он сообщает, что Кир был одновременно назначен как военачальником, так и сатрапом: σατράπην ἐποίησε καὶ στρατηγὸν ... ἀπέδειξε. Во-вторых, если касаться семантики этого термина, то безусловна его связь с древнеперсидским словом kara – народ / войско, которое встречается только в Бехистунской надписи Дария I, но зато более 100 раз (статистический анализ показал 112 случаев употребления слова kara в различных грамматических формах в Бехистунской надписи). Но вот по вопросу происхождения термина «каран» можно поспорить с автором диссертации, который интерпретирует его как «отпрыск народа, войска». На мой взгляд, следовало бы указать и иные варианты интерпретации этого термина, встречающиеся в историографии, как, впрочем, и сослаться на специальную литературу, посвященную данной теме (подробнее см.: Rung E. Some Notes on Karanos in the Achaemenid Empire // *Iranica antiqua*. 2015. Vol. 50. P. 333–356; Рунг Э.В. Должность военачальника в Ахеменидской империи // *Iranica: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. - VI в. н.э.* / Под ред. О.Л. Габелко, Э.В. Рунга, А.А. Сеницына, Е.В. Смыкова. Казань, 2017. С. 45–64). Мне известны как минимум два альтернативных объяснения происхождения термина «каран» от слова kara: 1) К. Геблер и Д. Третен, обращаясь к семантике этого слова, полагают, что каран – это просто командир кары; слово же *kārana образовано от kāra путем присоединения суффикса -na/-no по правилам индоевропейского словообразования для обозначения лица во главе того или иного социального института (исследователи приводят некоторые аналогии, среди которых называют, например, латинские tribunus от tribus; dominus от domus) (Haebler C. Κάρανος. Eine sprachwissenschaftliche Betrachtung zu Xen. Hell. I. 4. 3 // *Serta Indogermanica. Festschrift für Günter Neumann zum 60. Geburtstag* / J. Tischer (Hrsg.). Innsbruck, 1982. S. 82; Treten D. Κάρανος = κύριον // *Glotta*. 1991. Vol. 69. P. 173–174); 2) Н. Секунда на основании того, что в древнеперсидском глагол nau- переводится как «вести», считает, что слово «каран» должно происходить от *kāra-nau – «предводитель войска» (Sekunda N. *Achaemenid Military Terminology* // *AMI*. 1988. Bd. 21. P. 74). Дополнительным аргументом в пользу последней точки зрения является и то, что подобным образом ведь и слово στρατηγός является композитом, поскольку образовано от сочетания существительного στρατός и глагола ἄγω. Исходя из вышесказанного я считаю, что титул kpy на монетах Аршака был иранским эквивалентом греческого слова αὐτοκράτωρ, и должен был быть интерпретирован как «повелитель», совмещавший военную и административную функции. Конечно, он не был аналогом ни древнегреческого слова βασιλεύς (и в этом автор диссертации несомненно прав), ни древнеперсидского xshayathia, которые на русский язык обычно переводят словом

«царь». В этом случае мы могли бы использовать семантически нейтральное слово «правитель» при характеристике Аршака.

Итак, как это очевидно, большинство замечаний носят дискуссионный характер и выступают в роли рекомендаций, направленных на улучшение работы. Надеемся, они будут учтены автором диссертации в будущем. Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что диссертация Балахванцева Арчила Севелича представляется собой законченное научно-квалификационное сочинение, в котором были поставлены и успешно решены ряд весьма значимых проблем, относящихся к возникновению Парфянского государства. В работе хорошо представлена авторская концепция, не находящая аналогов в историографии.

Основные положения диссертации отражены в четырех монографиях и во многочисленных отечественных и зарубежных публикациях. Монография автора «Политическая история ранней Парфии» (М., 2017. 192 с.) выполнена по теме исследования. 24 работы опубликованы в ведущих научных рецензируемых изданиях. Автореферат в целом отражает содержание диссертации. Материал диссертации может быть использован в процессе преподавания общих и специальных курсов по древней истории, истории эллинизма и иранистике.

Таким образом, можно с полной уверенностью заключить, что диссертация А.С. Балахванцева является оригинальным, самостоятельным, научно значимым исследованием, вносящим существенный вклад в исследование ключевых проблем в истории Древней Парфии, кочевников Центральной Азии и Ирана. Работа полностью отвечает требованиям, предъявляемым Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (пп. 9-14 Постановления Правительства РФ о порядке присуждения ученых степеней от 24. 09. 2013 №842), а ее автор, А.С. Балахванцев, заслуживает присвоения искомой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история (история древнего мира).

05 июня 2018 г.

Официальный оппонент
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры всеобщей истории
Института международных отношений,
истории и востоковедения
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Рунг Эдуард Валерьевич

Почтовый адрес:
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
Казанский (Приволжский) федеральный университет
тел. +7 (962) 5579649 (моб.); +7 (843) 2213441 (раб.)
электронный адрес: Eduard_Rung@mail.ru

7

